

УДК 82.09

Л. И. Гаврилова

г. Курск, Россия

Г. Р. ДЕРЖАВИН В КРИТИКЕ В. Ф. ХОДАСЕВИЧА

(на примере статьи «Державин (К столетию со дня смерти)»)

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается творчество Г.Р. Державина в литературно-критическом осмыслении В.Ф. Ходасевича. Особое внимание уделяется имманентному анализу в контексте литературной критики относительно творческого наследия Г.Р. Державина.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: поэт, критика, Г.Р. Державин, творчество, В.Ф. Ходасевич, содержание, произведение, имманентный анализ

L. I. Gavrilova

Kursk, Russia

G.R. DERZHAVIN IN THE CRITICISM OF V.F. KHODASEVICH

(on the example of the article «Derzhavin (on the centenary of the death)»)

ABSTRACT. In the article the work of G.R. Derzhavin in the literary-critical interpretation of V.F. Khodasevich. Particular attention is paid to immanent analysis in the context of literary criticism regarding the creative heritage of G.R. Derzhavin.

KEYWORDS: poet, critic, G.R. Derzhavin, creativity, V.F. Khodasevich, content, work, immanent analysis

В литературно-критическом наследии В.Ф. Ходасевича творчество Г.Р. Державина занимало особое место. Именно он, «российский Анакреон», на протяжении всей жизни интересовал ведущего критика русского зарубежья, который в 1915 году на вопрос о том, кто из писателей оказал на него наибольшее влияние, ответил: «Прежде всего, Пушкин и Державин» [1, с. 16]. Отношение В.Ф. Ходасевича к личности и творчеству Г.Р. Державина, так же как и А.С. Пушкина имело свой специфический оттенок. В их строках, по замечанию А.Л. Зорина, «он искал не только образцы художественного совершенства, не только точку отсчета для собственного нравственного и профессионального самоопределения, но и духовную отчизну» [1, с. 14]. Свою статью о Г.Р. Державине («Державин (К столетию со дня смерти)») В.Ф. Ходасевич написал в июне 1916 года, в которой попытался дать переоценку творческого наследия гениального русского поэта. «Честный слуга ро-

дины и царей» [2, с. 42] был близок и понятен критику в своих идейных исканиях.

Любопытно, однако, что именно у Ходасевича, проповедовавшего обязательность рассмотрения личности и творчества художника с учетом историко-биографических обстоятельств, мы встречаемся и с указанием на то, что в определенных случаях необходим как раз имманентный анализ стихотворения, а введение его в некий контекст и вообще знание обстановки, сопутствовавшей его созданию, может лишь поспособствовать превратному его истолкованию и недооценке его эстетической значимости. В статье, написанной к столетию со дня смерти Державина, Ходасевич, цитируя пейзажный отрывок из стихов «На отбытие ее Величества в Белоруссию», в котором создается образ мертвящей тишины, заключает, что не важно, какому конкретному событию посвящен данный текст в целом, ибо приведенные строки «в пьесу... включены только механически» [2, с.40]. «Подлинный ужас, подлинное и страшное ощущение

смерти, тайно разлитой в природе, возникли в поэте, конечно, вовсе не в связи с отсутствием государыни, к тому же благополучным и кратковременным. Важно то, что ужас этот возник, и то, с какой силой он выражен. Включить эти великолепные строки в “официальную” оду было делом поэтической щедрости Державина – и только; говорить по поводу их о какой-то “придворной” поэзии – наивно и близоруко» [2, с. 41]. В данном и в некоторых других случаях, как полагает Ходасевич, обстоятельства создания художественного целого при рассмотрении отдельных, наиболее эстетически значимых его частей, совершенно не важны. Более того, вовлеченность в эпоху, привязанность к определенному поводу только упрощает и заземляет державинские тексты, тогда как их вневременное восприятие, а также вычленение некоторых отрезков и анализ их без учета того, в какое произведение они вплетены, позволяет ощутить их истинную ценность и новаторство поэта.

Применительно к творчеству Державина Ходасевич абсолютно убежден в невозможности объяснения его феномена современной художнику общественно-политической ситуацией и перипетиями его биографии; он настаивает на необходимость в данном случае взгляда на текст, не обремененного дополнительной информацией, то есть того самого имманентного анализа, о котором говорилось выше: «Исторический комментарий, – утверждает критик, – вредит многим созданиям Державина, поскольку они рассматриваются как создание художника, а не как исторические документы. Вредит не в том смысле, что принижает их в наших глазах, а в том, что отодвигает на задний план их главное и наиболее ценное содержание» [2, с. 41]. Далее следует тезис, свидетельствующий, что к 1916 году Ходасевич вовсе не был убежден в необходимости восприятия каждого произведения в контексте определенного жизненного и творческого этапа художника. «Для правильного художественного восприятия, – заявляет критик, – часто бывает необходимо отбрасы-

вать поводы возникновения той или иной пьесы» [2, с. 41]. Во-первых, как видим, утверждение касается не только творчества Державина, оно носит императивный характер и распространяется на художественную литературу вообще. Во-вторых, удивляет тот факт, что повод возникновения произведения Ходасевич советует отбрасывать не «иногда» или «от случая к случаю», а часто, хотя сам собственный совет использует достаточно редко. Получается, что Ходасевич-критик, придерживаясь биографического метода в изучении чьего-либо творчества, не только признает законность прямо противоположного подхода к тексту, но и призывает использовать его по мере необходимости, а именно – когда знание обстоятельств, побудивших творца к созданию произведения, заглушает и не дает адекватно оценить его звучание вне узких временных рамок. Одним из примеров таких текстов, восприятию которых только вредит исторический комментарий, является для Ходасевича «Фелица». «Фелица», – утверждает он, – прекрасна не тем, когда и по какому случаю она написана, и не тем, что в ней изображены такие-то и такие-то исторические лица, а тем фактом, что лица эти изображены, и тем, как они изображены. Когда Державин впоследствии писал, что он первый “дерзнул в забавном русском слоге о добродетелях Фелицы возгласить”, он гордился, конечно, не тем, что открыл добродетели Екатерины, а тем, что первый заговорил “забавным русским слогом”. Он понимал, что его ода – первое художественное воплощение русского быта...» [2, с. 41].

Как мы видим, в 1916 году Ходасевич был еще весьма далек от мысли, что одним из определяющих моментов при анализе стихотворного текста является обнаружение в произведении отголосков подлинных событий из жизни поэта и наблюдение над их художественным преломлением. Этот путь воспринимался критиком в качестве лишь одного из возможных, но никак не доминирующего. Наряду с ним Ходасевич придерживался, или, по

крайней мере, допускал равноправное существование иного подхода к художественному тексту, при котором ни биография автора, ни современная ему историческая обстановка не только не выделяются в качестве наиболее весомых категорий при рассмотрении произведения, а порой вообще не принимаются во внимание. Как выясняется, знание истории создания стихотворения, по Ходасевичу, может стать не полезным, а вредным обстоятельством, мешающим полноценному анализу текста, поэтому он и призывает в некоторых случаях воспринимать произведение без выхода за пределы того, что в нем имеется.

«До-державинская лирика, – отмечает критик, – почти сплошь была условна. И внешний мир, и собственные свои чувства поэты изображали в их “идеальном”, несколько отвлеченном, чистейшем и простейшем виде. Они не умели смешивать красок и не знали полутонов. Державин первый начал изображать мир таким, как представляется он художнику. В этом смысле первым истинным лириком был в России он» [2, с. 41]. Этот тезис, претендующий на итоговость, Владислав Ходасевич формулирует вне попыток объяснить данную ситуацию биографией поэта, так как чувствует, что в этом случае биографический подход к творчеству оказывается ущербным, ничего не проясняющим.

Конечно, в той же самой работе Ходасевича присутствует и констатация необходимости рассмотрения личности и творчества поэта в их неразрывном единстве. Собственно, одна из главных заслуг Державина, с точки зрения критика, и состоит в том, что он «был первым поэтом русским, сумевшим и, главное, захотевшим выразить свою личность такой, какова она была, – нарисовать портрет свой живым и правдивым, не искаженным условной позой и не стесненным классической драпировкой» [2, с. 41-42]. Но нам

здесь видится признание того факта, что историко-биографический подход к отдельному произведению или к целому этапу в жизни художника наряду с неоспоримыми достоинствами имеет и свои слабые стороны, ограничивающие возможности его использования. В частности, с его помощью можно проанализировать, как преломляются обстоятельства биографии поэта в его творчестве, но когда речь заходит о формировании индивидуальности художника, его творческого почерка, данный подход вряд ли может помочь что-либо объяснить. Таким образом, на наш взгляд, Ходасевич образца 1916 года признавал необходимость использования различных видов анализа стихотворного текста, не исключая и имманентного анализа, не обремененного историко-биографическим, культурологическим и иными контекстами. При этом неразрывная связь жизни с творчеством для Ходасевича всегда была аксиомой, выявить это единство в каждом конкретном случае критик неизменно стремился, и, по сути дела, главную задачу, которую он решал в своих работах, можно определить как воссоздание облика художника во всей его многогранности через обращение в равной степени как к творчеству, так и биографии.

Таким образом, В.Ф. Ходасевич, безусловно, выступал за анализ творчества с учетом времени, общественно-политической ситуации, исторической и культурной обстановки, но важнейшим из всех видов контекста для критика является биографический. Однако, как следует из статьи о Державине 1916 года, возможность возникновения ситуации, когда в оценке эстетической значимости текста не помогает никакой контекст, и даже, напротив – знание обстоятельств и повода его создания могут помешать адекватному восприятию произведения – Ходасевич тоже учитывал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зорин А.Л. Начало // Ходасевич В.Ф. Державин. – М.: Книга, 1988.

2. *Ходасевич В.Ф.* Державин (К столетию со дня смерти) // *Ходасевич В.Ф.* Собр. соч.: В 4 т. - Т. 2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922-1939. – М.: Согласие, 1996.